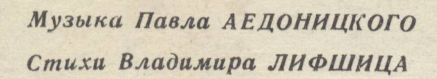

№ 7

Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для школьников младших классов

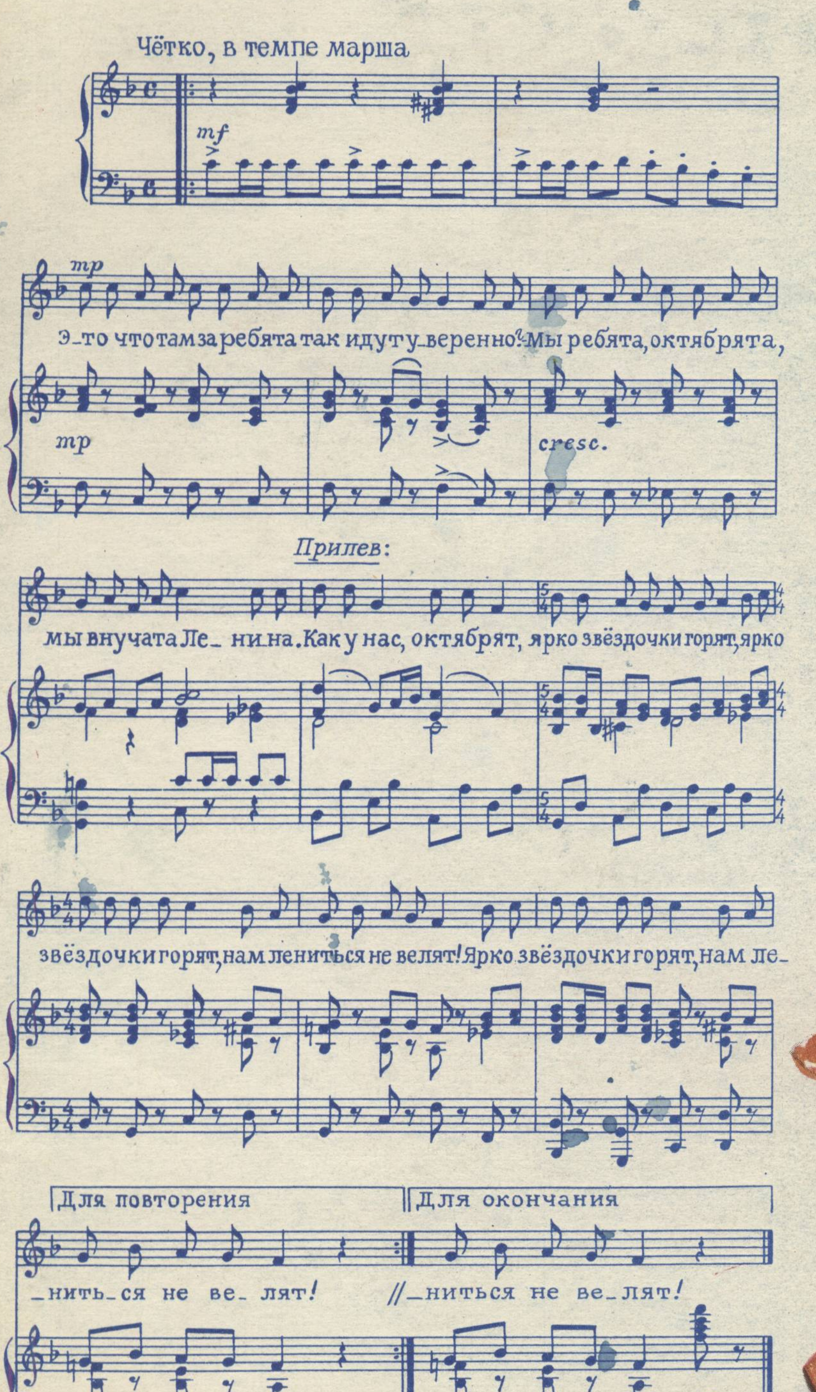
ИЮЛЬ
1959

МАРШ

Музыка Павла АЕДОНИЦКОГО

Стихи Владимира ЛИФШИЦА

Это что там за ребята
Так идут уверенно?
— Мы ребята-октябрята,
Мы внучата Ленина.

Припев:

Как у нас,
Октябрят,
Ярко звёздочки
Горят,
Ярко звёздочки
Горят,
Нам лениться
Не велят!

ОКТЯБРЯТ

Мы встаём с постели быстро,
Чисто умываемся
И под музыку зарядкой
Утром занимаемся.

П р и п е в.

Кто дружить умеет крепко
И прилежно учится,
Из того потом хороший
Пионер получится.

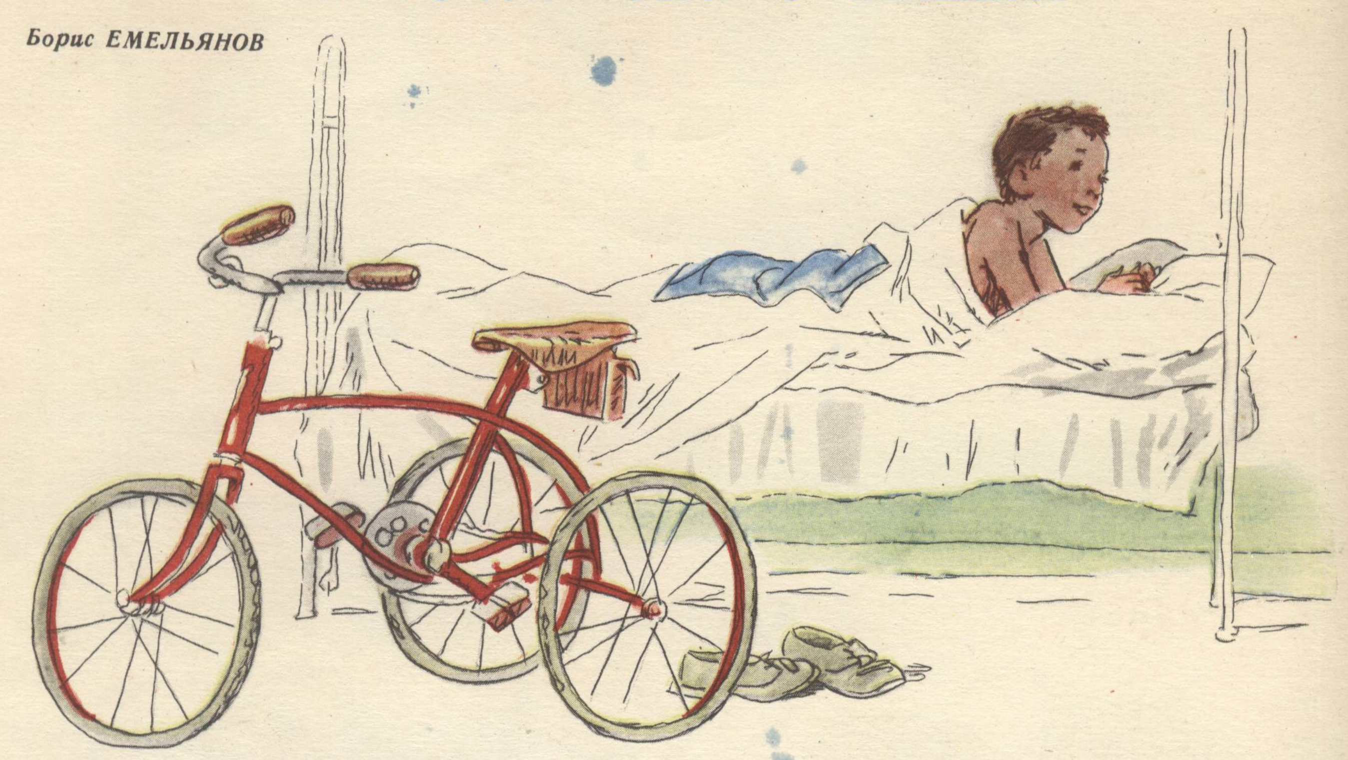
П р и п е в.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

РАССКАЗЫ О МАМЕ

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ

НАДО И НЕ ХОЧЕТСЯ

С вечера у мамы разболелась голова.

Ночью Маша проснулась и увидела: мама сидит у стола под лампой и обеими руками сжимает голову у висков, так ей больно.

Маша сказала спросонок:

— Милая мамочка, мне тебя жалко. — И опять заснула и во сне видела маму.

Мама у Миши и Маши была совсем молодая, весёлая, мама-подружка. Папа плавал на ледоколе далеко в море, и дети часто и подолгу оставались одни с мамой и бабушкой. Маму свою дети любили.

Утром мама, как всегда, встала рано. Миша и Маша лежали и смотрели, как мама расчёсывала перед зеркалом волосы, а потом на кухне застучал крышкой чайник. Бабушка вошла и сказала:

— Ну, лежебоки! Вставайте на работу. Живо!

Маша зажмурилась и сказала:

— Работы у нас никакой нет, мы маленькие.

Миша сказал:

— Это ты маленькая, а я большой. Работа у меня есть: состругать табуретку. Кот её ободрал когтями. Можно её, конечно, состругать завтра.

Маша сказала:

— Мне надо сшить Матрёшке платье. Табуретка твоя — ерунда.

— Хватит разговаривать! — сказала бабушка. — Вставайте скорее, мать сейчас уйдёт.

Мама сидела за столом бледная-бледная. Она и чашку с чаем не допила и плюшку не доела, а только пожаловалась:

— Милые мои! Совсем я не выспалась сегодня. Даже на работу идти не хочется.

— Не хочется — и не ходи, — сказал Миша.

— Конечно, не ходи, раз не хочется, — сказала Маша.

Мама посмотрела на ребят с удивлением и вроде даже не поняла, что они говорят.

— А как же быть, дети мои, если надо? — сказала она, поцеловала обоих ребят, оделась и ушла.

Сели ребята на диван, наморщили лобики и задумались. Думали, а о чём, кто знает?..

— Иди стругай табуретку, — сказала Маша.

Миша покачал головой и сказал:

— Чего-то не хочется.

— Надо, — строго сказала Маша. — Бабушка об неё вчера занозила палец.

Осталась Маша одна на диване. Сшить, что ли, платье Матрёшке или не сшить? Не хочется. А надо. Не ходить же Матрёшке голой.

Оказывается, это не простые слова «надо» и «не хочется».

МАМА ВСЁ ПОНИМАЕТ

Вдруг небо нахмурилось и пошёл дождь. Миша и Маша пошли к бабушке на кухню и долго стояли возле плиты и молчали.

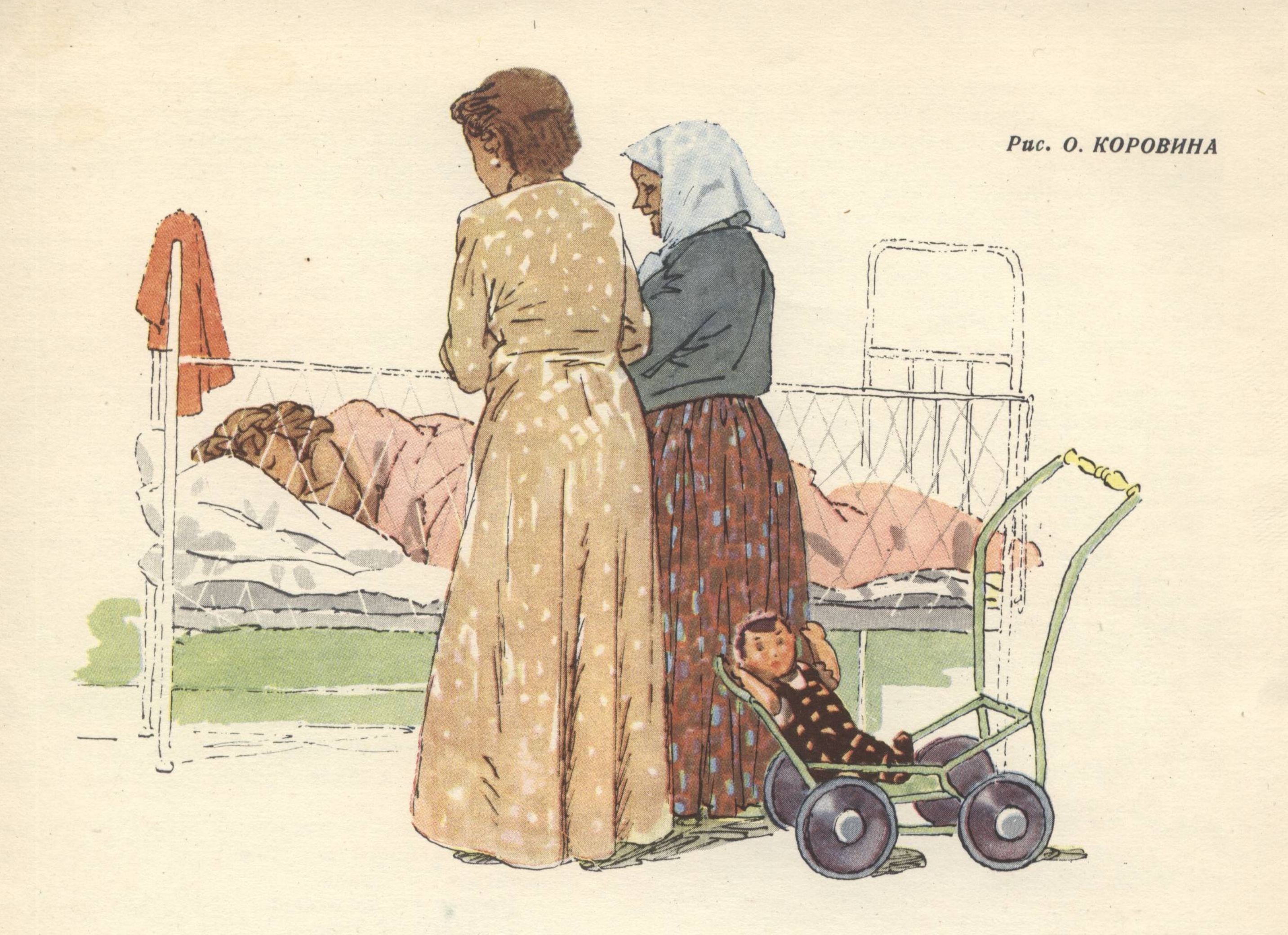

Рис. О. КОРОВИНА

— Ну, — сказала бабушка. — Говорите сразу, что надо.

Сразу говорить дети почему-то не умели.

— На улицу ты нас не пустишь, — сказала Маша.

— Не пущу, — подтвердила бабушка.

— Мы и не просимся, — сказал Миша.

— На улице грязно, — сказала Маша.

— Мокро, — добавил Миша. — Холодно.

— Скучно, — сказала Маша. — На улице никого нет.

— Какие умные дети! — воскликнула бабушка. — Ничего им объяснять не надо. Всё видят, всё знают сами.

— Милая бабуся, — сказала тогда Маша, — позволь, пожалуйста, мы позовём к себе Нюшу и Федю.

— Гм! — сказала бабушка.

— Пожалуйста, — сказал Миша жалобно.

— А во что вы будете играть? — спросила хитрая бабушка. — В футбол?

— Миша будет нам рассказывать про своё путешествие в Африку, — сказала Маша.

— Про чьё путешествие? — переспросила изумлённая бабушка.

— Про своё, — сказала Маша. — Очень интересно.

Через полчаса Нюша и её братишка Федя тихо сидели в гостях у Миши и Маши.

Бабушка долго прислушивалась к тишине, а потом вытерла руки, отставила суп с конфорки и тоже пошла слушать про путешествие.

Миша, оказывается, в Африку уже приехал и теперь ходил в дремучем тропическом лесу и охотился на диких зверей. Нюша и Федя слушали его молча, раскрыв рты, и всему верили.

Миша рассказывал здорово.

— Иду — никого нет. Сяду — лев! Сяду — тигр!

— Ой, — сказала Нюшка чуть слышно. — А я Бобика боюсь.

— Иду дальше, — продолжал он. — Опять никого. Сел — обезьяна, на Нюшку похожая, макака! Не стал стрелять! Иду. Сяду — удав! Сяду — бегемот. Раз — и готово!

— Ты бы уж постоял, что ли, отдохнул, — сказала бабушка, явно жалея внука. — Легко ли эдак, вприсядку по Африке.

— Ты, бабушка, в охоте не понимаешь, — сурово объяснил Миша. — Если стоять, звери не подойдут близко, увидят.

— Теперь-то уж поняла, — сказала бабушка. — Конечно, охотничье дело тонкое. Спасибо, внук, за науку. Нюшку только не обижай и макакой не зови! Сидите, сидите, я вас скоро чаем поить буду с вареньем.

Бабушка удалилась на кухню, успокоенная и примирённая с Африкой. Увы! Тишина не продлилась до чая. Скоро из комнаты раздался страшный рёв и вой, и спустя минуту в кухню долетел отчаянный Нюшкин вопль. Это Миша, оказалось, нечаянно превратился в тигра, потом опять в охотника, потом из охотника во льва. Лев прыгнул на Нюшку и защёлкал зубами...

Всё остальное бабушке не надо было рассказывать. Льву попало веником, Нюшке выдали конфету вне очереди. Чайник закипеть не успел.

Вечером бабушка сказала маме:

— Наташа! Мишку надо за враньё наказать. Язык у него подвешен не как у людей. С таким языком долго ли до беды? Нюшку он сегодня напугал до полусмерти.

Дети слушали со страхом.

Маша прошептала:

— Очень уж Нюшка кричала пронзительно.

Бабушка тем временем досказывала происшествие до конца.

— А ведь это, пожалуй, и не враньё, — задумчиво сказала мама.

— А что? — спросила бабушка.

— Фантазия, — ответила мама тихо. — Выдумка. А ну, пойдите сюда, охотники.

Дети стали «руки по швам».

— Как там погода в Африке? — спросила мама.

— Тёплая, — сказал Миша и подмигнул Маше: мама всё поняла.

МАМИНЫ РУКИ

Такой это был несчастный, нехороший день!

С утра до вечера Маша капризничала, ссорилась с бабушкой, в комнате убираться не стала, читать не училась, в тетрадку ничего не писала, а только сидела в углу и хлюпала носом.

Мама пришла, и бабушка ей пожаловалась: целый, мол, день капризничает девчонка и никакого сладу с ней нет.

Мама спросила:

— Что же с тобой, дочка, делается? Ты не больна ли? — и положила Маше на лоб свою руку.

Руки у мамы были удивительные, сухие, чуть шершавенькие, но такие лёгкие и добрые.

На этот раз Маша только головой мотнула и стряхнула с себя мамины руки.

— Фу, — сказала она. — Какие у тебя руки нехорошие.

— Ну вот, — удивилась мама. — Столько лет жили-дружили, а теперь стала нехороша. Чем же тебе, дочка, мои руки сегодня не понравились?

— Жёсткие, — ответила Маша. — Царапаются.

Мама посмотрела на свои руки. Маше показалось — грустно.

— Руки обыкновенные, — сказала мама. — Рабочие руки. Ничего уж с ними не поделаешь.

Встала и ушла в ванную мыться.

Маше так вдруг стало жалко маму. Она уже хотела бежать за ней, а бабушка не пустила.

— Сиди! — сказала бабушка грозно. — Сиди! Мать обидела ни за что. Руки у матери золотые, это все знают. Материными руками добра сделано — на десять таких, как ты, хватит, а полотном, которое мать наткала, полземли устлать можно. Даром что молода, а сноровиста. Мать у тебя не белоручка, работница, плохого в том нет, а хорошего много. Станешь к станкам на материно место, дай тебе бог такой быть, обидчица!

— Я её обидеть не хотела, — сказала Маша, плача.

— Не хотела, да обидела, — сказала бабушка. — Так тоже бывает. Руки у матери верно что жёсткие, а вот сердце мягкое... Я бы на её месте тебе как полагается всыпала горячих, надрала бы уши.

Мама вернулась и услышала, как бабушка ворчит, а Маша плачет, и сразу не разобралась, в чём дело.

— Не стыдно тебе ещё и бабушку обижать, — сказала она. — Сердце у бабки отходчивое. Я бы на её месте...

— Знаю, знаю! — закричала Маша неожиданно весело и бросилась к матери целоваться и обниматься. — Знаю...

— Ничего ты не знаешь, — сказала мама. — А если знаешь — говори.

— Знаю, — сказала Маша. — Ты бы на бабушкином месте надрала мне уши.

— Ну и надеру, — сказала мама, — чтоб не обижала.

— А бабушка говорила, — сказал Миша из угла, — что если бы она на твоём месте была, то надрала. А на своём — вы обе не можете.

Бабушка и мама переглянулись и засмеялись.

МАМИНО ГОРЕ

Что такое счастье — кто знает! Мама говорила: «Счастье у каждого своё».

Бабушкино счастье свой срок на земле отслужило и лежало завёрнутое в бумажку в большой красной коробке у бабушки на комоде. Миша и Маша один раз залезли потихоньку в красную коробку, когда бабушки не было дома, и нашли в ней две дедушкины медали и тоненькое золотое колечко. Колечко дедушка подарил бабушке, когда они поженились. Дедушку убили на войне. Дети это знали. Бабушкино счастье они завернули обратно в бумажку, коробку поставили на место.

Дети привыкли верить в мамино счастье. Мама у них была счастливая. Вот и сегодня она вернулась с работы, бабушку обняла и сказала:

— Нашу Трёхгорку сегодня наградили орденом Ленина. Ой, как я рада!

Бабушка спросила:

— А тебя, дочка, не наградили?

Мама ответила весело:

— Меня в этот раз не наградили.

Бабушка сказала:

— Характер у тебя, Наталья, счастливый. Умеешь ты радоваться не за себя, а за других. Это хорошо!

А через три дня всё стало плохо. Мама сидела с бабушкой за столом и пила чай, дети лежали в кроватках и шёпотом ссорились. Маша сегодня сломала Мишину удочку — доставала удочкой из-под дивана катушку с нитками. Конечно, Миша сердился.

Вдруг мама сказала:

— Такое у меня горе, такое горе!..

Миша даже привскочил на кровати и опять лёг. Вот тебе и раз! А они думали, что у счастливой мамы горя никогда не бывает.

Бабушка сказала по-своему:

— Ты, Наталья, не расстраивайся. Всё перемелется, мука будет. Поправится Катерина, вот увидишь. Это ведь не царское время, когда рабочему человеку жизни не было. Вылечат. Только надо её лечить с умом и со скоростью.

Мама сказала:

— Кате фабричный комитет дал бесплатную путёвку в санаторий, и завтра она уезжает. Всё равно беспокойно.

— Характер у тебя, Наталья, скверный, — вздохнула бабушка. — Горюешь не за себя, а за других.

— Катерина — моя сменщица и подруга, — сказала мама сурово. — Кому же о ней горевать, как не мне? Нюша и Федя останутся одни на целый месяц.

— С таким гореваньем тебя надолго не хватит, — сказала бабушка.

— Хватит и останется, — сказала мама. — Мы народ крепкий.

— Останется, — подтвердили дети радостным хором. — Мы крепкие.

Мама даже вскочила со стула.

— Спать сейчас же! — рассердилась мама. — Это ещё что за фокусы? Вот уж действительно горе моё.

— А вчера говорила, что радость, — пробормотал Миша. — Тебя пойми.

На другой день мама вроде была весёлая, ходила по комнате и пела. Маша теперь сидела у стола хмурая и молчаливая. Миша в углу стругал табуретку.

Мама посмотрела на Машу и подумала: «Опять каприз одолел».

— Ну, — сказала она, — что затуманилась?

— Ничего я не затуманилась, — сказала Маша. — Нюшка и Федя остались одни. Мама у них уехала.

— Тебе-то что? — сказала мама. — Уехала и уехала.

— Нюшка — моя подруга, — сказала Маша. — Кому же о ней беспокоиться, как не мне?

— Федька плачет с утра, — сказал Миша.

— Возьмём Нюшку и Федю к нам жить, пока тётя Катя не вернётся, — сказала Маша.

— Конечно, возьмём, — сказал Миша. — Зачем беспокоиться зря. Взяли — и делу конец.

Так и решили. Взяли Нюшку и Федю. Жили все вместе целый месяц. Выздоровела тётя Катя и вернулась. Бабушка сказала:

— Ну вот! Погоревали — и хватит.

НОВЫЙ ДОМ

И. ВАСИЛЕВСКИЙ
Рис. П. ПАВЛИНОВА

Новый дом растёт в квартале,
С каждым днём он всё видней;
В нём ещё не зажигали
Электрических огней.

Он без крыши, без антенны,
В нём пока что только стены.
Он ещё не остеклён,
Только солнцем осветлён.

Прямиком сквозь этажи
Так и носятся стрижи,
А по балкам,
клювы набок,
Ходят галки,
как прорабы.

Скоро дом получит номер,
Проведут и газ и свет.
Нам квартиры в новом доме
Обещает горсовет.

НАУЧНАЯ НАХОДКА

С. ПОЛЕТАЕВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Славка шагал домой и крепко что-то сжимал в кармане.

— Что это у тебя? — спросил Афонька Савостин, останавливая его на улице.

— Да ничего, — небрежно сказал Славка, обходя приятеля.

— А ну, покажи! Я тебе тоже что-то покажу.

Но Славка только ускорил шаг. Афонька постоял немного, но потом снова увязался за ним.

У двух молча и быстро шагающих мальчиков был такой таинственный вид, что другие ребята тоже пошли за ними. Вскоре за Славкой и Афоней уже шла целая толпа. Все с шумом ввалились в Славкину избу.

— Ну, ладно уж, показывай, — заискивающе сказал Афонька. — Может, ничего и нету...

Славка вытащил, наконец, руку из кармана, разжал ладонь, и на ней оказался... обыкновенный жук.

— Подумаешь, ерунда какая! — возмутился Афонька. — Что мы, жуков, что ли, не видели?

— Да ты лучше посмотри! — обиделся Славка. — Где ты видел такого?!

И в самом деле, это был жук не совсем обыкновенный. Шоколадного цвета, с блестящими глазками, с крепким панцирем и острым, как полумесяц, рогом, он был величиной чуть ли не со спичечную коробку.

— Вот это жучище! — удивились ребята. — Может, он с Кавказа прилетел?

— Из Африки, — язвительно сказал Афонька. — А то ещё из самой Австралии.

Но ребята не поддержали его.

— А рог-то, рог какой! — восторгались они.

— Ой, лапки, глядите!

— У него и усы есть!

Ничего не ускользало от ребячьих глаз. Под массивными челюстями острой щёточкой топырились короткие волоски. Тяжёлый, овальной формы жук стоял на худых и жёстких ножках, похожих на хлебные колоски. Но поразительнее всего был рог, великолепный точёный рог, де-

лавший его до странности похожим на носорога—толстокожего жителя тропических стран. Ну, просто настоящий носорог, прилетевший из неведомой лилипутской страны!

— Надо биологичке показать, — сказал Славка. — Может, это научная находка.

От зависти ребята потеряли покой. Все богатства, которыми они владели и гордились, — марки, свинцовые биты, костяные рюхи, старинные монеты, — всё это сразу потеряло в их глазах всякую ценность, когда они хорошенько рассмотрели жука-носорога. Славка в одну минуту мог бы стать богачом, но не тут-то было! Осторожно разжимая пальцы, он подносил жука к глазам ребят и говорил:

— А ну-ка, посчитай, сколько у него шишек на лбу? Три? Были бы только две, я бы его задаром отдал. А с тремя шишками бывает раз в сто лет, а может, ещё реже. Кто первым найдёт, тому сто тысяч денег дадут. Не слыхал? Вот я его в Москву пошлю, а мне за него из академии денежки пришлют.

— Какой академии?

— Ну где жуков изучают. Есть в Москве такая.

Ребята притихли и задумались: шутка ли, сто тысяч! Они смутно догадывались, что с такими деньгами, пожалуй, было бы немало хлопот.

Ребята долго не расходились. Славка смастерил из спичечной коробки тележку, сделал вожжи из ниток и гонял носорога по полу, заставляя таскать различную кладь — щепки, горох и угольки. Но жук не чувствовал разницы — пустую тележку и нагруженную он волочил без всяких усилий, не уменьшая скорости. Правда, был в нём один недостаток: не признавал заданного направления и делал большие круги, так что Славке то и дело приходилось поворачивать его в нужную сторону. Зато он был сильный и упорный, как конь.

В Москву Славка жука не послал. Может быть, потому, что деньги были ему не очень нужны, а с жуком было жаль расстаться. Он спрятал его на ночь в спичечную коробку и оставил на подоконнике.

Всю ночь снилось Славке, что он пашет на жуке колхозное поле. Жук на минуту останавливался, Славка раздвигал ему тяжёлые челюсти, заливал бензин, крутил вместо рукояти ус, и жук, как трактор, снова начинал работать.

Утром носорога на подоконнике не оказалось. Спичечная коробка валялась на полу и молчала, и Славка подумал, что жук улетел или помер. Но нет: жук стоял в коробке на всех своих лапках, расставленных в стороны чуточку больше, чем обычно, и дремал, еле поводя усами, обсыпанными древесной трухой. Одна из стенок была выгрызена — видно, жук всю ночь возился, пытаясь удрать, но так и не успел.

Вскоре в избу опять набились ребята, и жук снова покорно и неутомимо таскал в картонной коробке из-под лекарств различную кладь. И так почти весь день.

К вечеру в нём уже не было прежней резвости. Круги, которые он делал, становились всё меньше и меньше. Он чаще останавливался и отдыхал, и крошечные глазки его словно затуманивались раздумьем. Но это ненадолго. Он стряхивал с себя оцепенение и снова тащил коробку, и работа эта, наверно, казалась ему очень важной и нужной, потому что вокруг него прыгали и смеялись ребята.

Часам к девяти, когда с пастбища возвращалось стадо, ребята, позабыв о жуке, побежали встречать своих коров. Вместе со всеми выскочил и Славка, и носорог остался посередине избы, рядом с перевёрнутой коробкой и рассыпанным по полу грузом.

Вернулся Славка поздно и жука не нашёл. Видно, мать выбросила его куда-то вместе с коробкой. К тому времени носорог ему изрядно надоел, и теперь он с некоторым сожалением вспоминал о вещах, которые предлагали ему в обмен на жука. А назавтра он и вовсе забыл о нём.

Как-то раз — с тех пор прошло уже около недели, — собираясь с ребятами на вечернюю рыбалку, Славка полез в чулан, где хранились его рыболовные снасти. Он долго возился там, обронил крючки, ползал на четвереньках по полу и вдруг нашарил рукою коробку, в которой жил когда-то жук.

Славка вышел в горницу, смахнул с коробки пыль, снял крышку — и не поверил глазам: на дне стоял жук. Да, да, тот самый жук, которого он считал давно погибшим.

Беднягу трудно было узнать. Одна из лапок наполовину стёрлась, посеклось крылышко, торчавшее из-под панциря. На лапках стёрлись волоски, и теперь они не были похожи на хлебные колосья — просто торчали палочки, которыми нельзя было ни оттолкнуться, ни зацепиться.

Славка осторожно опустил носорога на пол. И удивительное дело! Жук вдруг ожил и пополз вперёд. Правда, он сильно охромел, при ходьбе косолапил и часто отдыхал. И всякий раз, когда останавливался, казалось, что дальше не пойдёт. Но нет, он встряхивался и снова тащился в свой бесконечный путь. Круги, которые он делал, были совсем уже маленькие, их можно было обвести простым школьным циркулем. Маленькие глазки были запорошены пылью и казались незрячими, но, даже слепые, они светились мрачным и отчаянным упорством.

В тот вечер Славка на рыбалку не пошёл. Он лечил жука: носил ему стебельки травы, совал в рот хлебные крошки, пытался влить сладкой водички. Но жук не разжимал челюстей и только ждал, когда его опустят на пол, чтобы дальше ползти и ползти к своей неизвестной цели.

Славка вынес его на улицу. Он очень хотел, чтобы жук улетел, он с радостью отпустил бы его на волю, лишь бы нашлись в нём силы для полёта. Он подбрасывал его вверх, но жук падал в траву и оставался лежать, чуть привалившись набок. Нет, свобода была ему уже не нужна.

Славку охватила жалость к исхудавшему, маленькому и несчастному носорогу. Он поднял жука и побежал в поле, туда, где когда-то поймал его. Тогда жук был полон сил и жизни, и удержать его в ладони было не так-то легко. Упрямый, непокорный, он продирался наружу, отталкиваясь мощными лапами, и, казалось, нет такой силы, которая могла бы его остановить. Теперь же это был немощный инвалид, в котором всё было мёртвое, почти всё, кроме непонятного и ничем не истребимого стремления к движению.

Славка не знал, что он хотел, когда бежал в поле. Он остановился, огляделся в наступившей уже темноте и раскрыл ладонь. Жук начал нежно царапать кожу на ладони, и тогда Славка, вздохнув, подкинул его вверх.

И — о чудо! — жук прошуршал в воздухе и улетел. Но, может быть, Славке показалось так, потому что он сильно хотел этого? Или это прошелестел налетевший от реки ветерок?

Славка так и ушёл домой, полный неясной тревоги, а ночью приснилось ему, что пришёл почтальон, принёс ему деньги, много денег, целых сто тысяч — вознаграждение академии, изучающей жуков, за редкую научную находку. И за Славкой толпой ходили ребята, предлагая свои сокровища, а он отбивался от них и приговаривал:

— Ничего мне не нужно, и деньги не нужны...

И никто не мог понять, почему не нужны ему те богатства, которые сами шли к нему в руки.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ

У Васи есть прадедушка. Его зовут «старый дед». Потому что есть у Васи и молодой дед — просто дед, а не прадед.

«Старый дед» Кирилл живёт в Ленинграде, а Вася с мамой в Москве. И вот в воскресенье у прадеда был большой праздник: ему исполнилось девяносто лет.

Мама сказала:

— Полетим к деду Кириллу на день рождения. В понедельник я на работу вернусь.

А Вася подумал: «Хорошо бы дед Кирилл в Москву приехал. В детском саду всё собираются в зоопарк пойти и никак не идут. А прадед, наверно, пошёл бы». Вася только подумал об этом, а мама сказала:

— Когда дед Кирилл в последний раз к нам приезжал, он в поезде очень устал. Он старенький. Помнит времена, когда Ленинград Петербургом назывался и в Москву ездили лошадьми. Три дня и три ночи в дороге.

— А мы сколько лететь будем?— спросил Вася.

— Увидишь!

Когда Вася поднялся по лесенке в самолёт и уселся в удобное кресло, мама отогнула рукав и показала на часы. Большая стрелка стояла на двенадцати. Было ровно восемь часов.

Заревел самолёт, помчался вперёд, и сразу же земля ушла куда-то вниз. А когда самолёт снова покатился по земле, мама опять отогнула рукав и показала Васе часы. Большая стрелка и одного круга сделать не успела.

— Летели пятьдесят пять минут, — сказал Вася.

Рис. Б. КЫШТЫМОВА

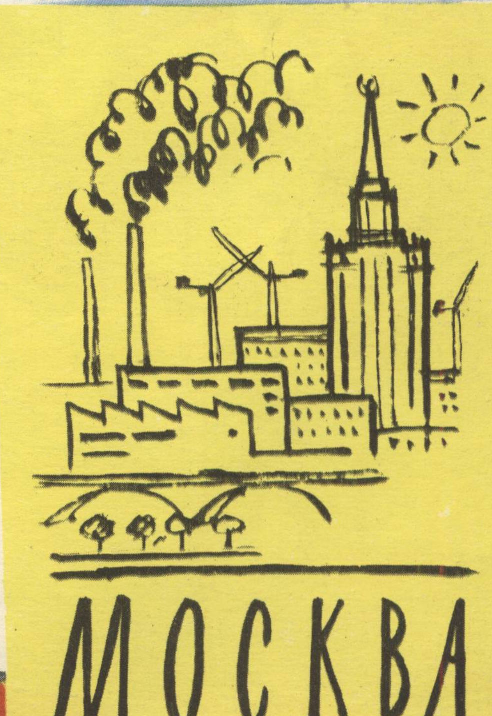
— Да, — подтвердила мама, — хороший у тебя, Вася, транспорт. Прадед твой лошадьми три дня ездил. Дед — сутки паровым поездом. Я — электровозом из Москвы в Ленинград за одну ночь. А ты на таком вот «ТУ-104Б» за несколько минут долетел.

— За пятьдесят пять минут, — поправил Вася.

— Это пока за пятьдесят пять минут. В первый год семилетки. Через семь лет самолётом будут летать ещё быстрее, а поездами ездить будут куда реже. Многое изменится в нашей жизни. Тогда из Сибири в Москву можно будет долететь скорее, чем мы с тобой паровым поездом на дачу ездили...

А вот и дед Кирилл! Вот непоседа: встречать нас приехал!

М. ЕФЕТОВ

НЯНЬКИ

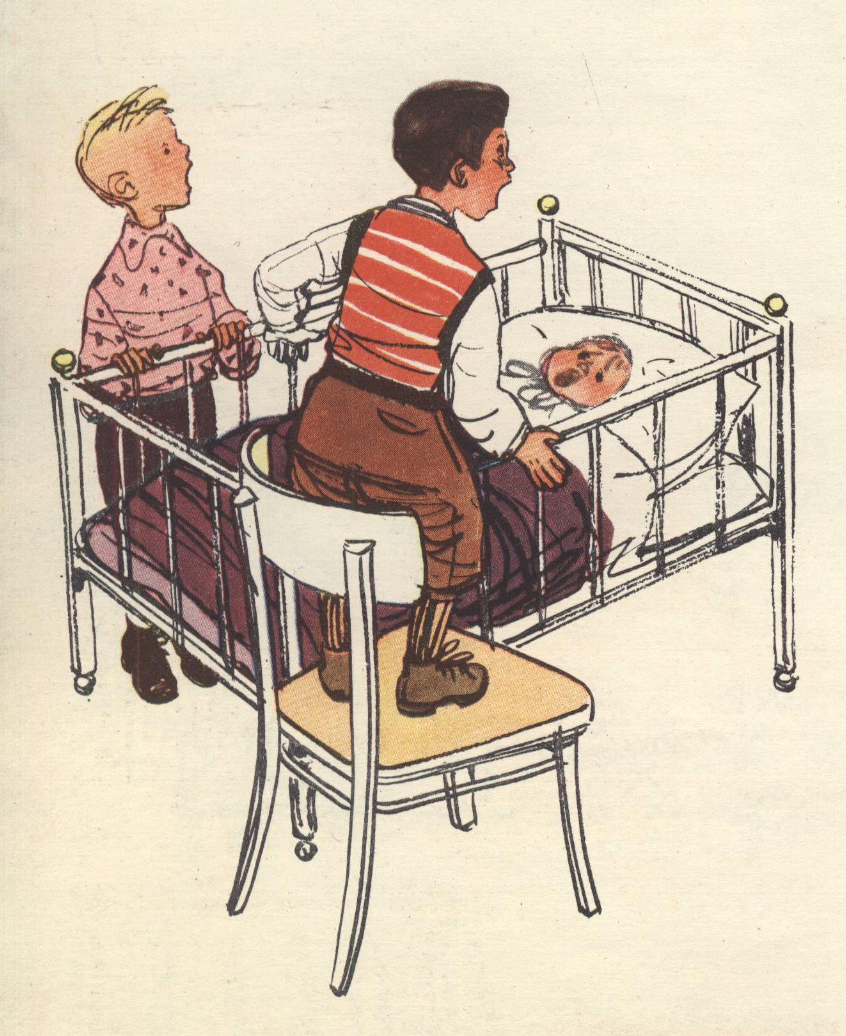
Д. ЯСТРЕБОВА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Мы с Валериком очень дружим. Ещё бы: мы ведь с ним в одной октябрятской звёздочке. Мы часто ходим друг к другу и вместе что-нибудь делаем или просто играем.

Один раз я пришёл к Валерику. Тётя Вера, Валеркина мама, пошла за молоком, а нам велела играть только в тихие игры, потому что в соседней комнате спала Валеркина сестрёнка — Надюшка. Ей нет даже и одного года, а только девять месяцев.

В тихие игры мы с Валеркой играть не умели и решили просто посидеть и шёпотом поговорить. Шептались мы с ним шептались, потом нечаянно поссорились и расшумелись. Надюшка проснулась и заплакала. Тут мы испугались и сразу ссориться перестали.

Побежали мы к Надюшке, а она даже покраснела от крика. Валерка встал на стул, наклонился над кроваткой, стал уговаривать её:

— Ну чего ты, Надя? Надюша! У-у-у! Угу-у-у! — загудел он.

Надюшка затихла, посмотрела на Валерку, потом как заплачет ещё сильнее.

Валерка угукал, гремел погремушкой, хлопал в ладошки. Ничего не помогает. Он просто из сил выбился.

— Может, она есть хочет? — спросил я.

— Нет, — говорит Валерка, — это она хочет, чтобы мама к ней подошла.

Валерка как-то подозрительно задёргал носом: мне показалось, что он сам сейчас заплачет. У него в одном глазу уже слеза заблестела. Мне стало жалко Валерку, захотелось чем-нибудь помочь ему, но я не знал как: у меня не было такой сестрёнки. И вдруг я вспомнил:

— А знаешь, Валерка, ты ей спой что-нибудь. Маленьким всегда поют.

Валерка наклонился опять над кроваткой и затянул унылым голосом:

— А-а-а-а! А-а-а-а!..

Но Надюшка от такого пения даже и не думала замолкать.

— Это неинтересная песня, — сказал я.

— А какую же ей?

— Такую, чтобы была понятная.

— А ты знаешь такую? — спросил Валерка.

— Я?.. Я знаю «По солнышку».

— Ну давай, пой про солнышко.

— Да не про солнышко, а «По солнышку».

— Ладно, всё равно. Только скорее! — заторопил Валерка.

Я тоже подставил к кроватке стул, взобрался на него, откашлялся и во весь голос запел:

По солнышку, по солнышку,
Дорожкой луговой...

Надюшка только жмурилась. Её трудно было перекричать, но я всё равно пел. Даже вспотел весь. А когда я песню допел до конца, Надюшка неожиданно замолчала и удивленно уставилась на меня своими большими синими глазами.

— Пой, пой ещё! — обрадовался Валерка.

Я скорее запел ту же песню, потому что другую не успел вспомнить и побоялся, что Надюшка опять заплачет. Когда я кончил, Валерка сердито зашептал и замахал на меня руками:

— Пой ещё!

— Я не придумал, какую петь, — ответил я, и мы оба испугались: Надюшка опять начала морщить свой пуговичный нос.

Тогда я скорее запел про красные флажки, с какими выходят на праздник весёлые ребята. Эту песню знал и Валерка. Мы её всей октябрятской звёздочкой учили. Он стал мне подпевать. А Надюшка жмурилась и смотрела на нас такими хитрыми глазками, будто выбирала удобный момент, чтобы снова зареветь. А мы с Валеркой пропели про флажки и тут же начали про серого козлика, которого съели волки. Мы перепели ей все песни, какие знали и какие не знали. И никто на свете их не знает, потому что мы эти песни сочинили с Валеркой сами.

Мы пели и не заметили, как вошла тётя Вера. Ну и обрадовались же мы с Валеркой!

— А я думаю: кто здесь так хорошо поёт? Уж не по радио ли концерт передают? — сказала тётя Вера.

Она подошла к Надюшке, взяла её на руки. Надюшка запрыгала, заулыбалась, забормотала что-то.

— Ишь, рассказывает, какие вы ей песни весёлые пели, — засмеялась тётя Вера.

— Мы ещё не такие ей придумаем, — стал хвастать повеселевший Валерка.

— И когда вы куда-нибудь уйдёте, то мы их будем петь Надюшке, — добавил я.

— Вот какие помощники у меня замечательные, — похвалила нас тётя Вера. — Настоящие октябрята!

Она стала кормить Надюшку манной кашей, а мы с Валеркой пошли во двор и сели на лавочку. Нам было отчего-то весело и хорошо. Мы сидели-сидели и стали опять петь песни. Так просто, для себя.

МЫ ИДЁМ

И. БЕЛЯКОВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Мы идём,
Идём,
Идём
По прямой тропинке.
И у каждого из нас
Лёгкие корзинки.

Мы идём,
Идём,
Идём
Вдоль густой пшеницы.
Подпевает ветер нам,
Подпевают птицы.

Мы идём,
Идём,
Идём
По траве и кочкам.
Под осиной машет гриб
Красненьким платочком.

Мы идём,
Идём,
Идём
К дому по тропинке...
До чего ж на этот раз
Тяжелы корзинки!

В НАРОДНОМ КИТАЕ

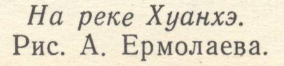
В детском саду. Рис. Н. Жукова.

Когда мне сказали, что я поеду в Китай, я очень обрадовался. Всякому интересно побывать в этой великой древней стране.

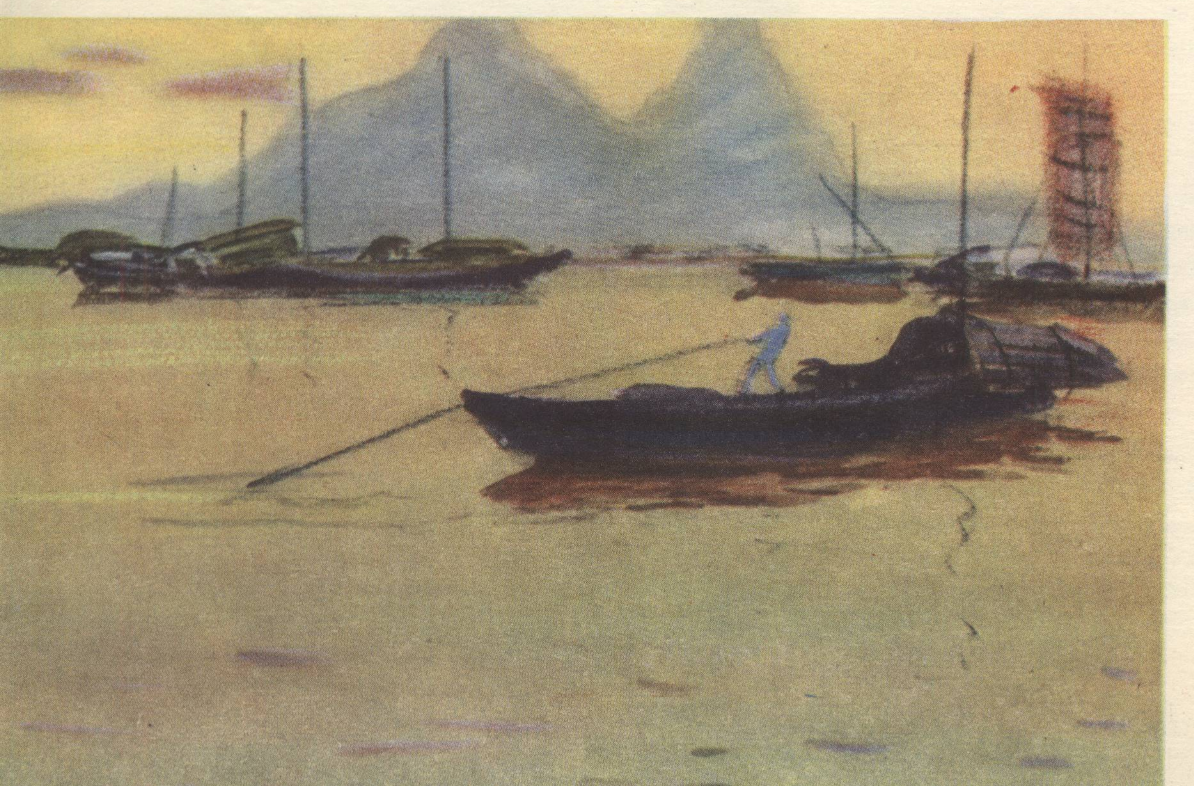
Все дни до отъезда я ходил и думал: какой он, Китай, далёкий.

Но на деле он оказался совсем не таким далёким. Мы ехали в поезде всего восемь дней. А если лететь самолётом, тут даже выспаться как следует не успеешь — и уже Китай. И самое главное, что Китай громадная, древняя и хотя незнакомая страна, но почему-то близкая и понятная. Ребята по улицам идут в красных галстуках. Взрослые и дети всех советских встречают, как лучших друзей.

Мне очень понравились китайские города: столица Пекин, порты Гуанчжоу и Шанхай, про-

На реке Хуанхэ. Рис. А. Ермолаева.

Народная стройка. Рис. А. Ермолаева.

мышленный центр Ухань. В городах большое движение, сплошные потоки троллейбусов, автобусов, трамваев, велосипедистов. Движение ловко регулируют милиционеры. А в Шанхае мы видели, как им помогали пионеры: они стояли у тротуаров и бамбуковыми тросточками с красными флажками показывали пешеходам, где переход.

На домах и заборах — плакаты со стихами про народные стройки, про успехи в труде. Ребята эти стихи учат и поют, чтобы все слышали.

Посмотрел, посмотрел я кругом — и захотелось мне рисовать.

Рисовал я много, спешил — всё мне хотелось оставить на бумаге. И знаменитый пекинский зимний дворец — Гугун. (Во дворце хранятся старинные статуи и скульптуры, сделанные из золота, слоновой кости и драгоценного камня — зелёного нефрита.) И замечательный металлургический гигант в Ухани. И стройки, организованные по последнему слову техники: там наши советские шагающие экскаваторы, землечерпалки, подъёмные краны. И стройки, где всё делают вручную. Но именно на этих стройках, где работать особенно трудно, и проявляется необыкновенный энтузиазм китайского народа.

Потом я рисовал Хуанхэ, потому что она напомнила мне другую реку — Волгу, на которой я вырос.

А. ЕРМОЛАЕВ

В школе. Рис. Н. Жукова.

ВЕЛИКАН — ПОДЪЁМНЫЙ КРАН

Александр БРОДСКИЙ

Рис. Е. МОНИНА

Перед нами великан,
Великан —
Подъёмный кран.
Привезли его сюда
Разгружать,
Грузить суда.
Тюк наденет он на крюк —
И взлетит пушинкой тюк.
Он старается
Как может,
Великан —
Подъёмный кран:
Погрузил кровать с матрацем,
Пианино и диван,
И машину
Легковую
Поднял прямо до небес,
Для заводов
И для строек
Грузит уголь, камень, лес.

А однажды утром рано
Рёв раздался вдруг у крана.

Это случай очень редкий!
В чём же дело?
Вместе с клеткой
Тигра поднял великан,
Великан —
Подъёмный кран.

Поднял, сделал поворот,
Погрузил на пароход.

Прибывают пароходы
Из заморских дальних стран.
Грузит их
И разгружает
Великан —
Подъёмный кран.

ЛЕТНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРЗИЛКИ

Вит. БИАНКИ

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА

Ребята, помните — в пятом номере журнала Мурзилка собирался в лес: он решил посмотреть, как там живут разные птицы и звери.

Путешествовал он в первый раз и не знал, что ему брать в дорогу. Хорошо, что ему на помощь пришли пионеры. Они народ бывалый — не раз в походы ходили. Ребята быстро собрали Мурзилку в дорогу. Он уже и рюкзачок завязал, но тут прибежали октябрята с какими-то свёртками.

— Подожди, Мурзилка, открой-ка ещё раз свой рюкзак — мы в него подарки положим, — сказали октябрята.

Мурзилка притащил рюкзачок.

— Вот слушай, — сказали октябрята, — кому какой подарок. — Первым делом — колобашка-долбашка. Это дятлятам долбить.

Мурзилка спросил:

— А как я узнаю, что это дятлята, а не другие какие птицы?

— Очень просто: все другие птенчики пухленькие, все в белых пятнышках, в пушку, а маленькие дятлы в мундирчиках. Живут внутри дерева, в дупле. Запомнил?

Мурзилка сказал:

— Запомнил.

И октябрята положили в рюкзачок колобашку для дятлят.

— А вот игрушечный барабанчик, — сказали октябрята. — Это для зайчиков. Они все барабанщики.

— А как я найду в лесу зайчиков? — спросил Мурзилка.

— Ты стань среди полянки, тихонько похлопай в ладошки и тихонько спой: «Ваша мама пришла, молочка принесла!..» Они и выбегут к тебе из-под кустиков. Понял?

Мурзилка сказал:

— Понял.

И ребята положили в рюкзачок подарок для зайчат — игрушечный барабанчик.

— А третий подарок, — сказали октябрята,— будет заводной зайчик-барабанщик на тележке. Это для лисят.

Мурзилка даже рассердился немножко:

— Уж лисят-то мне в лесу никак не найти: хитро прячутся.

— А ты их и не ищи, — сказали ребята. — На тропе на лесной пусти заводного зайчика — они сами к тебе и прибегут. Ты только не перепутай, кому какой подарок.

Мурзилка сказал:

— Не перепутаю.

И ребята опустили в рюкзачок заводного зайчика на тележке.

— И вот тебе двух проводников, — сказали ребята, — чтобы ты знал, кто где живёт, и не заблудился в лесу. Это две наши знакомые сороки-белобоки.

Мурзилка надел рюкзачок на спину, попрощался с ребятами, сказал, что будет писать им из лесу, и весело пошёл по улице. Две сороки полетели вперёд — показывать ему дорогу.

Но по привычке Мурзилка заглянул на склад игрушек. Тут он выбрал себе какую-то большую коробку и попросил продавца тоже положить её ему в рюкзачок. Выбежал из склада и бегом пустился под горку: сороки были уже далеко впереди.

За городом широко раскинулось поле, по нему текла речка, а вдали синел зубчатой стеной лес.

Через речку с крутого берега на низкий был перекинут мостик с перильцами. Мурзилка решил скатиться с перил. Он сел на перильца и поехал. Но на середине мостика перильца вдруг трах! — и переломились.

Мурзилка бултых в речку! И ушёл под воду с головой.

Ладно ещё, что речка-то мелкая да не быстрая: вскочил на ножки и выкарабкался на берег. Вылезти-то вылез, да сам на себя не похож: шёрстка на нём обмокла, тельце узенькое, ручки-ножки как спички, и носик чуточный — ну, просто пуговичный носик!

— Ага! — закричали сороки. — Ага! Будешь баловаться! Так тебе и надо! Беги теперь, сохни на бегу.

Мурзилка как припустит, живо на опушку прибежал.

Вышел на полянку и вспомнил:

«Тут надо зайчатам песенку спеть. Ну-ка, попробую».

Снял рюкзачок, похлопал в ладошки и тихонько запел:

— Зайчатки, зайчатки, ваша мама пришла, молочка вам принесла!

Откуда ни возьмись, запрыгали, заскакали вокруг него малые зайчата. Пищат:

— Где мама? Где тётя? Ты зачем нас звал?

— Какая мама? Какая тётя? — Мурзилка спрашивает. — Я сам пришёл.

И рассказали тут малые зайчата Мурзилке, как у них, у зайчат, повелось.

Разбегутся они от мамы-зайчихи — прыг-прыг-прыг! — и под кустики. Много им бегать нельзя, а то лис найдёт по следу. Вот они и сидят под кустиками тихо-тихо.

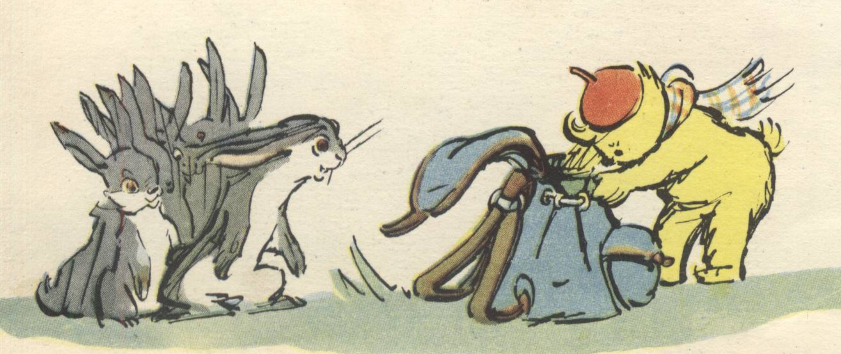
Вдруг послышится, будто кто-то тихонько в ладоши хлопает. Это зовёт их мама или какая-нибудь тётя-зайчиха. Зайчата и выскочат к ней на полянку. И уж тут всё равно, мама ли это их, тётя ли какая мимо пробегала, заглянула на заячью полянку, — обязательно маленьких досыта накормит молочком. Уж так у зайчих повелось: все зайчата у них общими считаются, все тёти у них — мамы.

Мурзилка говорит:

— А я вам не молочка, я вам игрушку принёс.

Порылся в рюкзачке и вытащил — вот глупыш, правда? — колобашку-долбашку. Ну зачем зайкам колобашка, что им с ней делать?

Понюхали зайчата — вкусным ничем не пахнет. Попробовали погрызть — маленькие зубки не берут.

— Забирай себе назад колобашку, — пропищали зайчата. — Ненадобна она нам.

— Не хотите, как хотите! — обиделся Мурзилка.

А ведь сам был виноват: разве для зайчат ему колобашку в подарок давали ребята? Вы помните, что им надо было подарить?

Зайчата исчезли — опять под кустиками попрятались, а Мурзилка рассердился, поддал колобашку ногой — и побежал по лесной дорожке.

Бежал-бежал, слышит: будто кто-то не то трещит, не то пищит где-то над головой. Поднял голову — никого нет.

Опять затрещало, запищало, и тут увидел Мурзилка в толстом дереве круглую дырку. Подумал: «Эге! Да ведь это дупло! И там, внутри дерева, кто-то живёт. Дай-ка я постучу им!»

Поднял с земли сучок и постучал по стволу.

Из круглого окошечка сейчас же высунулось несколько головок в чёрных шапочках с красными околышами. Мурзилка сразу понял, кто это такие.

— Здорово, дятлята! Я вам подарок принёс.

— Здрасьте, здрасьте, Мурзилка! Давай, давай подарочек!

— Стой, как бы не перепутать, — сказал Мурзилка.

Покопался в рюкзачке и достал игрушечный барабанчик. Дятлята выскочили из дупла — все в красных штанишках и пёстрых мундирчиках, — и один из них взял у Мурзилки игрушку.

— Барабанить? Это мы можем! — Да как застучат в барабан вместо палочек своими носами — вмиг барабан продырявили.

— Кто же так играет! — закричал Мурзилка. — Зачем продырявили?

— А мы хотели посмотреть, что там внутри, — сказали дятлята, и один за другим скрылись в своём дупле.

Пошёл Мурзилка дальше по лесной дорожке и думает: «Видно, я что-то спутал... Не те подарки зайчатам и дятлятам дал. Что ж теперь делать?»

Присел на пенёк. Достал из рюкзачка заводного зайчика-барабанщика на тележке. Завёл-закрутил пружину, поставил игрушку на дорожку, а она как покатится, колёсики как завертятся, зайчик как забарабанит палочками в барабанчик!..

Катит зайчик на тележке по гладенькой дорожке. Вдруг из травы на него три лисёнка!

Схватили — и в клочья! Одна тележка осталась. Опрокинулась и колёсиками в воздухе вертит, вертит...

— Что наделали! — закричал Мурзилка. — Игрушку сломали!

Лисята ничуть не смутились и говорят:

— А мы хищники. Мама-лисица так и учит нас: зайчонка догоняй и хватай! Хорошую ты нам подарил игрушку. Только зайчонок твой больно невкусный!..

Убежали лисята в траву. Прилетели две сороки: они по своим лесным делам летали, пока Мурзилка подарки раздавал. Говорят:

— Пора, Мурзилочка, домой, вечер уж.

— Стоп! — сказал Мурзилка. — Я две игрушки перепутал — кому какую. Зато сейчас вытащу такую, что всем лесным птенцам-детёнышам на радость.

И он вытащил из рюкзачка большую коробку, что прихватил с собой на складе игрушек.

— Что такое? Что такое? Что такое? — затрещали любопытные сороки.

— Фейерверк такой. Поняли: фюррр! — полетят в небо разноцветные огни.

Но как же сорокам понять, что такое фейерверк?

Затрещали они и полетели скликать на дорожку весь лесной народ.

Пока Мурзилка воткнул в землю палочки с ракетами и расставил шутихи на дорожке, собралось множество лесного народа — птенцов разных птиц и детёнышей разных зверей.

Стемнело.

— Ребята! — крикнул Мурзилка. — Начинаю салют. Радуйтесь!

Он зажёг зажигалку и стал подносить огонёк к фитилькам ракет и шутих.

«Фшшш!» — одна за другой зашипели ракеты, но ни одна не взорвалась, не взвилась к небу, не рассыпалась там разноцветными огоньками. Ни одна шутиха не запрыгала огненной лягушкой по дорожке.

Мурзилка совсем забыл, что он бултыхнулся в речку со своим рюкзачком и весь его фейерверк вымок в воде. Из всех одна ракета осталась сухой: она лежала в самой середине коробки. Она «шшш, фюррб!» — шепнула, взорвалась и — «ббах!» — рассыпалась в небе ярким, многоцветным кустом.

Но что случилось с лесным народом? Услыхав выстрел ракеты, все птенцы и зверята подумали, что с неба в них выстрелил охотник, и бросились врассыпную. Вмиг на дорожке стало пусто. С перепугу умчались даже сороки.

Что было делать Мурзилке?

Настала ночь, кругом ничего не видно. Проводницы его улетели. Как выбраться из лесу? Как попасть в город?

И решил бедный Мурзилка заночевать в лесу, чтобы совсем не заблудиться в темноте.

КАК ПОГИБ ТИГР

Индонезийская сказка

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Однажды человеку пришлось возвращаться домой через лес. Человек тот был не один. На плечах своих он нёс маленького сына.

Когда наступила ночь, отец остановился у крутого берега реки и сказал сыну:

— Здесь мы и заночуем. А утром, с восходом солнца, отправимся дальше.

И он положил мальчика на мягкую траву, а сам лёг рядом. Но мальчик вдруг заплакал:

— Я боюсь спать с краю. Положи меня посредине!

Отец стал его уговаривать:

— Как я могу положить тебя посредине, если нас всего двое: ты да я?

Но маленький мальчик продолжал плакать и всё время твердил, чтобы отец положил его посредине.

Тогда отец решил схитрить и сказал:

— Хорошо, будет так, как ты хочешь. Но для этого ты должен лечь ко мне спиной.

Когда мальчик повернулся к отцу спиной, отец накрыл его с головой одеялом, обнял и проговорил:

— Теперь тебе нечего бояться: ты лежишь посредине.

Накрытый одеялом, мальчик ничего не видел. Он успокоился и заснул. Заснул вскоре и отец.

И тогда из чащи вышел тигр. Он учуял на берегу добычу и поспешил к ней. Но, подойдя ближе, тигр испугался: на берегу спал необыкновенный человек — у спящего было четыре ноги и одна голова. Такого человека тигр никогда не встречал. А вдруг это чудище сильнее его?!.

И тигр спустился с крутого берега к самой реке, где жил крокодил Буайя. Тигр спросил крокодила:

— Скажи, Буайя, надо ли мне бояться человека, у которого одна голова, но четыре ноги?

Старый Буайя ответил:

— Такого человека не бывает.

Тигр стал уверять:

— Я только что видел такого человека. Он спит на высоком берегу этой реки.

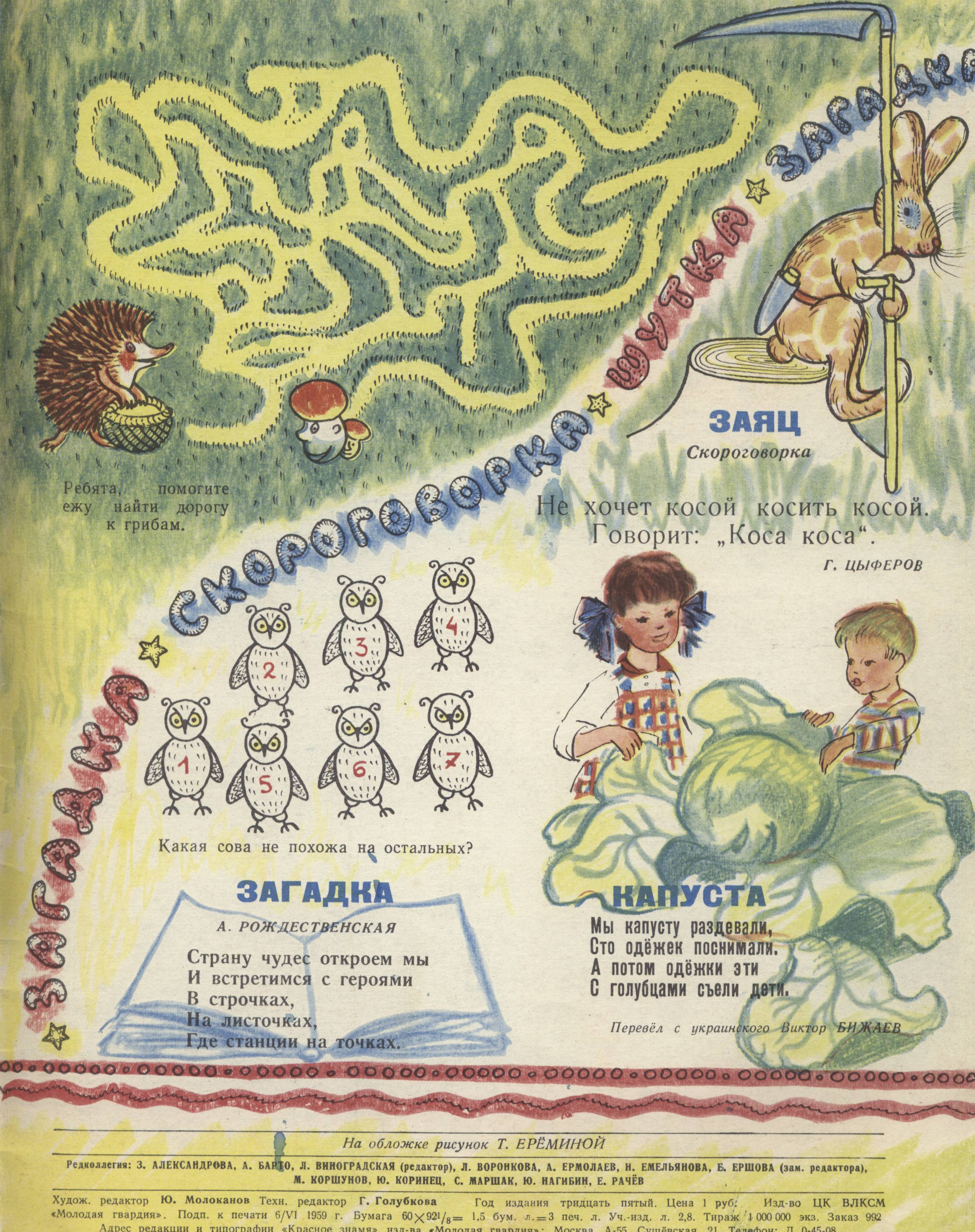
Крокодил рассмеялся и сказал:

— Пойди и обнюхай спящих. И ты увидишь, что там спят два человека. В награду за мой совет одного из них ты сбросишь мне в реку.

Обрадованный тигр в один прыжок оказался на берегу и стал обнюхивать спящих. Когда его усы прикоснулись к носу человека, человек громко чихнул. От неожиданности тигр отпрянул назад, поскользнулся и полетел с крутого берега в воду. А крокодил решил, что это тигр сбросил ему одного из спящих. И съел тигра.

А человек и мальчик поднялись с восходом солнца и отправились своей дорогой.

Пересказал для детей Н. ХОДЗА

Ребята, помогите ежу найти дорогу к грибам.

ЗАЯЦ

Скороговорка

Не хочет косой косить косой.
Говорит: „Коса коса".

Г. ЦЫФЕРОВ

Какая сова не похожа на остальных?

ЗАГАДКА

А. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Страну чудес откроем мы
И встретимся с героями
В строчках,
На листочках,
Где станции на точках.

КАПУСТА

Мы капусту раздевали,
Сто одёжек поснимали.
А потом одёжки эти
С голубцами съели дети.

Перевёл с украинского Виктор БИЖАЕВ

На обложке рисунок Т. ЕРЁМИНОЙ

Худож. редактор Ю. Молоканов Техн. редактор Г. Голубкова Год издания тридцать пятый. Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 6/VI 1959 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 992
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

«Балерина». Рисунок Нади Кучиной, 10 лет. Ленинград.

«Человек-амфибия». Рисунок Бори Новожилова, 11 лет. Москва.

«Стройка». Рисунок Саши Шерстюк, 6 лет. Г. Каменск-Уральский Свердловской области.